

Людия Огурцова

ИЗУМРУДНАЯ
СКРИЖАЛЬ

Лидия Огурцова

Изумрудная скрижаль

«Автор»

2007

Огурцова Л. В.

Изумрудная скрижаль / Л. В. Огурцова — «Автор», 2007

Московская журналистка Вероника Серебрякова отправляется в Крым на поиски внезапно исчезнувшей подруги, увлѣкшейся эзотерическими учениями. Вероника постоянно ощущает невидимую угрозу, но получает неожиданную поддержку в лице симпатичного «инопланетянина» Леонардо. Путешествуя вместе с ним, Вероника с трудом избегает гибели в агрессивном мире Игв. Она попадает в Идеальное пространство, где находит Изумрудную скрижаль и знакомится с кураторами Четвѣртого измерения, которые контролируют жизнь и развитие земной цивилизации. Рисунок на обложке Миланы Клименко.

© Огурцова Л. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1 Куратор	5
Глава 2 Инна	11
Глава 3 Наташка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лидия Огурцова

Изумрудная скрижаль

Глава 1 Куратор

В жизни не бывает безвыходных ситуаций, любое испытание человеку даётся по его силам и учит избавляться от слабостей

1

Солнце нещадно палило с самого утра. Двое мужчин шли вдоль набережной небольшого курортного города. Один, статный блондин, одетый в шёлковую небесно-голубую рубашку с коротким рукавом, в народе именуемую «шведкой», держал в руке металлический предмет, похожий на портсигар. Второй, маленький и плотный обладатель загорелой лысины, нёс небольшой портфель.

– Вы уверены, что она здесь? – промокнув влажную лысину аккуратным сложенным платком, спросил коренастый мужчина.

– Уверен, – останавливаясь, ответил блондин.

Он поискал глазами свободную скамейку и, не найдя, пристроился на горячем от солнца каменном бордюре. Затем открыл металлический портсигар, внутри которого оказался мерцающий плоский экран со множеством непонятных символов.

– Как я и предполагал, она на пляже, – сосредоточенно проговорил он.

– В самом деле? Тогда можно не спешить, – откликнулся изнывающий от жары попутчик.

Они спустились к морю. Коренастый мужчина пошёл впереди, высматривая свободное место. Внезапно он остановился и, повернувшись к блондину, решительно заговорил:

– Товарищ Куратор, вы знаете, как я Вас уважаю, – он вытер в очередной раз вспотевшую лысину. – Мы уже не один год вместе, и я никогда не отказывался Вам помогать, но я бы хотел попросить... – тут он замялся, неловко опустил портфель на песок. – Я хотел попросить не привлекать меня больше... Понимаете, я немолод, очень немолод, у меня семья, дети. Вы ведь знаете, в какое время мы живём, – здесь он испуганно оглянулся. – Не дай бог, кто-то сообщит кое-куда... И что тогда? – он беспомощно развёл руками и сам же ответил. – А тогда, скажу я Вам, меня посадят!

– И за что же Вас, милейший Фёдор Фёдорович, посадят? – лениво спросил Куратор.

– За шпионаж! – обречённо произнёс Фёдор Фёдорович.

– И на какое государство, если не секрет, Вы «шпионите»? – усмехнулся Куратор.

– Смейтесь? Как Вам не стыдно, – выразительно зашептал Фёдор Фёдорович. – Они ведь ни за что не поверят, если я начну рассказывать про Идеальное пространство и небожителей, а в шпионаж поверят. И то, что я уже десять лет Вам помогаю, узнают. Как пить дать узнают!

Третий слой Земли, а попросту Энроф, почти ничем не отличался от четвёртого измерения. Здесь были такие же деревья, такое же море и такое же солнце. Люди, которые называли себя землянами, были как две капли воды похожи на жителей Идеального мира. Но только внешне. Да иначе и быть не могло. За тридцать тысяч лет до Рождества Христова этот слой был заселён колонистами из Идеального пространства. Небожители использовали Энроф для ссылки преступников, изгнанных из своего круга за тяжкие правонарушения. И хотя нынешние жители были потомками первых поселенцев, они сильно отличались от своих «высоконравственных» предков. Главное отличие заключалось в функции сверхчувственного восприятия. Сосланным в Энроф ставили блок, после чего восприятие мира ограничивалось работой лишь пяти анализаторов: зрения, слуха, вкуса, запаха и тактильных ощущений. Даже животные на Земле получали больше информации об окружающем мире. Блок передавался по наследству, и

дети рождались с мозгом, функционирующим всего на десять процентов своих возможностей. У людей заметно преобладало одно полушарие, и эпифиз (или, как его часто называли земляне, шишковидная железа) не выполнял свои основные задачи координации и управления.

Но иногда природа брала своё, и тогда в Энрофе рождался ребёнок-индиго. Его мозг трудился, что называется, на полную катушку. Ясновидение, телекинез, перемещение по слоям Шаданакара были врождёнными способностями малыша. Эти дети вели себя крайне осторожно. После неудачных попыток в нежном возрасте поделиться своими знаниями с родителями они чаще всего замыкались в себе. Зная о реальном соотношении вещей гораздо больше сверстников, малыши со временем полностью прекращали демонстрировать свои возможности. И только посвящённые по отдельным поступкам и обрывкам фраз могли распознать уникального ребёнка.

Для контроля рождаемости и поведения людей Совет Старейшин присылал на Землю кураторов, в обязанности которых входило выявление отклонений в психических способностях людей. Самое же большое отличие землян заключалось в том, что их просто переполняли, захлёстывали эмоции. Это был мир любви и ненависти, зависти и жадности, мир человеческих иллюзий и грёз. И этим он сильно отличался от рационального мира прародителей.

Фёдор Фёдорович стал агентом небожителей не по собственной воле – его отыскал Куратор. Отца и мать Фёдор Фёдорович не знал. Он помнил только детдомовское детство, студенческую стройку на сибирских просторах, работу на заводе во время войны и голодные спазмы в желудке по ночам. После войны жизнь понемногу устроилась, он женился, обзавёлся детьми и многочисленными деревенскими родственниками жены. Он почти поверил в свою планиду, когда однажды его угораздило попасть в аварию, после которой он обнаружил, что слышит и видит всякую чертовщину. Люди вокруг временами становились почти прозрачными, их мысли и желания преследовали и мешали нормально жить. Тогда-то его и нашёл Куратор. Десять лет совместной работы не прошли даром: Фёдор Фёдорович заметно поправил своё материальное положение, научившись, не без помощи небожителей, решать свои проблемы. Он не свихнулся и не попал в психушку. Он выполнял несложные поручения жителей соседнего пространства, встречал и наставлял новичков из Оркона, но всё время боялся, что его вторая, тайная жизнь станет достоянием «компетентных органов». Последние месяцы он плохо спал, и сегодня дал себе слово поговорить с Куратором.

– Вы уж похлопочите там за меня, – продолжал настаивать Фёдор Фёдорович.

– Ну не стоит так огорчаться из-за пустяков, – равнодушно протянул Куратор. Сейчас его меньше всего беспокоили опасения подопечного агента. Он знал, что Фёдор Фёдорович достаточно умен и осторожен.

Для Куратора рождение Феди никогда не было загадкой. Отец мальчика, коллега из команды ликвидаторов, увлёкшийся пышногрудой революционеркой, в девичестве Глафирой Мухиной, превратившейся после «революционного крещения» в Октябрину Пролетарскую, внёс свой вклад в разрешение революционной ситуации 1917 года появлением в Питере пухленького младенца. В тот год для управления событиями в России привлекались многие ведомства небожителей. События неожиданно вышли из-под контроля, и случайно родившийся ребёнок остался неучтённым. Когда же страсти утихли, Куратор записал в свой актив уже подросткового Фёдора, отправленного в детский дом новоиспечённой Октябриной, впоследствии затерявшейся где-то в степных просторах Украины, и только после появления у Фёдора способностей вступил с ним в контакт. Работать с подопечным было нетрудно: задания он выполнял обстоятельно, точно и без лишних вопросов. Сегодняшний всплеск эмоций можно не считать.

Сбросив шведку, Куратор раскинул руки, подставляя солнцу широкую загорелую спину. Он гордился своим телом и с удовольствием демонстрировал окружающим натренированные мышцы рук и волосатую грудь. Он был строен и красив: открытый лоб и прямой совершенной формы нос дополняли слегка припухшие губы, обрамлённые тонкой полоской элегантных

усов. Немного крупные уши с грушевидной мочкой не портили общее впечатление, а скорее придавали его лицу некоторую импозантность. А ленивый взгляд синих глаз вызывал восторг и желание нравиться у женщин. В общем, смотреть на него было приятно, в чём Куратор ничуть не сомневался.

Фёдор Фёдорович тоже разделся. Положив брюки и рубашку аккуратной стопкой на портфель, он сел рядом и опустил бледные с голубоватыми прожилками ноги в воду.

Сзади послышался плач. Толстый мальчишка, вырвавшись из родительских объятий, побежал в сторону моря. Споткнувшись, он завалился набок и снова заревел. Всполошившийся отец подхватил карапуза, унося подальше от воды.

Куратор проводил взглядом ребёнка. Он недолюбливал жителей третьего измерения. Вокруг них слишком много эмоций, которыми питаются ненасытные лярвы. В последние годы эти сущности совсем заполнили Энроф. «Пора возвращаться. Ещё год такой работы и можно будет позволить отдых, а возможно, и рождение сына».

Едва заметная усмешка появилась на лице Куратора. Слово «родить» было из третьего измерения. Небожители не рожали детей. Их клонировали.

– Вы получили разрешение на клонирование сына? – отозвался на его мысли Фёдор Фёдорович. По рассказам шефа он знал, что ребёнка-клона можно было заказать в Центре Зачатия Идеального пространства, предварительно получив разрешение Совета.

– Я назову его Лео, – удовлетворенно ответил Куратор. – Это земное имя очень нравится моему отцу, который был знаком с живописцем Лео да Винчи.

– Насколько я знаю, Ваш батюшка ещё жив, – устыдившись за недавний срыв, расплылся в улыбке Фёдор Фёдорович. – Сколько ему? Пятьсот двадцать?

– Чуть больше, – нехотя подтвердил Куратор.

– Да-да, чуть больше, – что-то подсчитывая в уме, не унимался любознательный Фёдор Фёдорович. – А Вам сколько? Сто восемьдесят девять?.. А ведь не дашь, ей-богу не дашь... Максимум тридцать пять! Впрочем, по меркам небожителей Вы ведь ещё юнец?

Вопрос агента остался без ответа. Его шеф снова прикрыл глаза, наслаждаясь морской прохладой.

Последние сорок лет Куратор работал в Крыму – спокойном провинциальном уголке Земли, где большую часть времени можно было посвящать своему хобби – восстановлению галактической матрицы погибшей планеты Прозерпины. Работа заключалась в сканировании потока сознания и новых стереотипов мышления жителей региона. Отчёты он посылал регулярно, нареканий на него не было, и оставшийся до пенсии год можно было провести, как и прежде, в полном спокойствии.

Шагнув в воду, Куратор обернулся и заговорщически подмигнул Фёдор Фёдоровичу:

– Может, плюнуть на все запреты и завести себе земную красавицу? Такую вот блондинку с тонкой талией и стройными ногами, – Куратор кивнул в сторону плещущейся у берега девушки. – Она родит мне сына, пухленького земного младенца, и мы будем с ним барахтаться в море, а по ночам заниматься любовью с его мамочкой.

Его спутник водрузил мокрый платок на лысину и отрицательно покачал головой:

– Нельзя позволять безрассудство, товарищ Куратор. Вы лучше меня знаете, как с этими детьми поступают ваши «друзья» из ведомства ликвидаторов.

Отогнав соблазнительную картинку, Куратор подпрыгнул и нырнул в прохладную освежающую воду.

«Старею, стал сентиментальным. Этот мир бьющих через край эмоций кого хочешь делает мягкотелым».

Сегодня он нашёл то, что искал: девчонку, чей папаша, бесспорно, был небожителем. Кое-что ещё нужно уточнить. Куратор не любил подчищать чужие грехи, но что же делать,

если в Энрофе появляются те, кто через несколько лет станет претендовать на Идеальное пространство?

«А ведь девчонку могут оставить в живых».

За последние годы так уже было не раз... Но его это не касается, свою часть работы он выполнил.

Шёл 1964 год.

2

– Мам, ну это же совсем просто! – Марийка медленно провела ладонью над поверхностью камней.

– Белый, белый, серый, опять белый, а этот розовый.

Разноцветная галька лежала в ряд на старом покрывале, поверх которого с закрытыми глазами сидела маленькая девочка.

– Ну попробуй ещё раз, – упрасивала она черноволосую женщину с хорошей фигурой и печальным взглядом.

– Я не подсматриваю, я их вижу руками, – малышка продолжала плотно сжимать веки и старательно водить рукой над цветной галькой.

– Не выдумывай, – мать наклонилась, достала слетевшую панамку и натянула её на голову дочери. – Видеть руками невозможно! Эх ты, фантазёрка!

Девочка вздохнула и, собрав разноцветные камни, пошла к воде. Море всегда её понимало, а мама нет. И почему взрослые такие глупые? Вот сегодня мама с самого утра нервничает: не будет ли дождя, успеют ли они на автобус, не забудет ли дядя Серёжа зонтик от солнца? Марийка ещё вчера, укладываясь спать, знала, что день будет солнечный, место в автобусе будет, как она любит, у окна, а дядя Серёжа возьмёт не только зонтик, но и приёмник, маленький такой, и мама улыбнётся и станет напевать песню про чёрного кота, которому всё время не везёт. Только маме об этом говорить нельзя, всё равно не поверит.

В свои шесть лет Марийка знала очень многое из того, о чём маме сообщать не стоило. Она могла остановить дождь и разогнать тучи. Она всегда так и делала, когда мама забывала зонтик. Ещё Марийка могла стать невидимой и прозрачной. Нет, она не исчезала совсем: для того, чтобы её не заметили, нужно было замереть и не думать, что отнюдь не легко для такой непоседы, как она. Что значит «стать прозрачной», знала только Марийка Россицкая, воспитанница старшей группы детского сада № 5.

Часто, отстояв вместе с мамой длинную очередь за синеватой курицей, пахнущей совсем невкусно, и услышав от продавщицы, что «кур мало и дальше уже можно не стоять», Марийка делала так, что этих самых синих кур всем хватало. Откуда-то появлялся ещё один «совершенно забытый ящик», и мама улыбалась, сглотнув наворачнувшиеся слёзы, благодарила изумлённую продавщицу, а Марийка прикрывала ладошкой рот, боясь засмеяться и выдать свою тайну.

3

В четвёртом слое Земли, или, проще говоря, Идеальном пространстве, выражение эмоций считалось верхом неприличия. Это относилось не только к словам. Ребёнка с малых лет учили контролировать свои чувства, быть благодарным Совету Старейшин и любить сограждан-небожителей. Но настоящей любви не получалось. Научившись управлять эмоциями, ребёнок вырастал в рационального бесчувственного потребителя, достойного представителя своего разумного слоя. Тех, кто не смог освоить контроль, изгоняли из «рая» в третий слой, именуемый Энрофом. Несчастные изгнанники попадали туда, где шла постоянная борьба за выживание, где поощрялись самые разнузданные страсти и извращённые желания.

Для привыкших к комфорту, уравновешенных небожителей ссылка была равносильна смерти. Этим наказанием родители с рождения пугали своих детей. Конечно, любой представитель четвёртого измерения мог бы запросто выжить в земных условиях. И не просто выжить,

а жить припеваючи. Но немилосердные судьи лишали переселенцев чудесных способностей к целительству, удивительной интуиции, способности к ясновидению, и самое главное – они теряли те знания, которые были присущи жителям их измерения.

В последние двести лет ссылка прекратилась. Это было связано с тем, что детей Идеального мира стали клонировать. Клон не приносил никаких хлопот: он был точной копией своего родителя, не только тела, но и мыслей, желаний, поступков. Чувства клонов, всегда правильные и предусмотренные законом Идеального пространства, не доставляли беспокойства высшему руководству.

4

Море сливалось с небом, и одинокий огонёк на горизонте напоминал упавшую в море звезду. Девочка сидела на песке и строила башню.

Куратор приблизил изображение. Нужно найти знаки отличия на теле ребёнка. Большую мочку уха он увидел сразу. Она была грушевидной формы и гораздо больше обычной. В девочке чувствовалась порода. Любая женщина четвёртого измерения гордилась бы такими ушами. Этот последний писк моды был генетически запрограммирован не более 30 лет назад. Значит, отец девочки – ещё молодой шалопай, оставивший на Земле свой биологический материал в виде новорождённого ребёнка-индиго.

Куратор развернул изображение на экране. Он искал родинку в форме звёздочки на затылке. Пышные локоны малышки закрывали шею. Дав команду коспу – компьютерному сканеру пространства – убрать волосы, он удовлетворённо присвистнул. Слегка вытянутый голый череп ребёнка напоминал молодой кокос. На затылке виднелось «украшение» четвёртого измерения – звезда Идеального пространства.

«Это, без сомнения, она», – обрадовался Куратор и включил систему послойного сканирования. Мозг функционировал полностью.

«Что и требовалось доказать», – удовлетворённо подумал он, отправляя отчёт в центр Совета Старейшин.

Ответ пришёл через минуту. Ему было поручено заблокировать у ребёнка часть мозга. Его удивило не то, что девочку оставили в живых, а то, что блок необходимо было поставить на 48 лет. Значит, в 2012 году она станет полноправным жителем четвёртого измерения.

С какой целью Совет Старейшин оставил в Энрофе очередного ребёнка с паранормальными способностями, Куратор так и не понял.

5

Клонирование небожителей проводили учёные во главе с профессором Итокой. Возможность сохранить свой генетический материал, перенести себя через время, а затем создать полную биологическую копию перестала быть фантастикой.

Контейнер №12547, содержащий 10 миллилитров крови, был извлечён из центральной ячейки банка «Сори» и доставлен в лабораторию. К нему был прикреплён второй контейнер, хранящий стволовые клетки небожителя.

Занимаясь привычной работой в святой святых Идеального пространства – Центре Зачатия, профессор Итоко мысленно улыбнулся. Он был богом, подарившим жизнь нынешнему поколению обитателей Идеального мира. Ещё два столетия назад клоны выращивались в утробе земных женщин, но потом всё изменилось. Создать тело, конечно, не значило создать душу. Теперь всем желающим получить собственную копию приходилось не только оставлять в генеральном компьютере воспоминания, наговаривая на лазерный диск всё, что должен был знать их потомок, но и получить специальное разрешение Совета. А это было отнюдь не просто.

Профессор изредка посматривал на монитор. Работа была привычной, не требующей особого контроля. Процесс клонирования подходил к завершающему этапу. Профессор извлёк из слота диск с воспоминаниями биологического отца №12547 и заменил его другим. Компью-

тер тут же заметил ошибку и включил систему оповещения. Итоко нажал кнопку delete. Предупреждение полетело в корзину.

6

Девочка сидела рядом с морем. Башня из песка была построена, оставалось только окружить её рвом. Девочка отложила лопатку и принялась похлопывать мокрыми руками по бокам сооружения.

Коротко стриженный блондин присел на корточки.

– Как тебя зовут?

– Марийка, – она подняла на незнакомца огромные зелёные глаза.

– А фамилия у тебя есть?

– Россицкая, – ответила девочка, продолжая хлопать ладошкой по сырому песку.

– Смелая... – протянул незнакомец.

– Я тебя не боюсь: ты жёлтый!

«Надо же! Она знает, какого цвета стоит опасаться. Хотя чему я удивляюсь, в её возрасте малыши из Оркона и не то умеют. Может, протестировать её на работу с пространством? И что это даст? Наверняка у неё всё получится...»

– Когда дядя Володя ругает маму, он становится красный-красный, а рядом с ним чёрные бабки-ёжки прыгают, – продолжала рассуждать Марийка, старательно разгребая песок возле башни.

«Это она о лярвах, – догадался Куратор. – Забавная девчонка».

Он не мог понять, почему тянет время, почему говорит с этим земным ребёнком.

– Ты кому-нибудь об этом рассказывала?

– Они мне не верят, – по-детски мило пожала плечами Марийка.

– А мама?

– Мама? Тоже не верит, а папы у меня нет, – огорчённо вздохнула девочка и опять посмотрела на него своими зелёными глазами. – Забери меня...

– Куда?

– Ты знаешь.

– Нет.

– Не обманывай, ты пришёл за мной, я вижу.

Девочка запросто читала его мысли.

– Это тебе! – Куратор положил ей на ладонь большой кристалл.

Марийка повертела камень и поднесла к глазам. Тонкий голубой луч отразился от холодной грани кристалла. Она покачнулась.

– Я ничего не вижу, – жалобно застонала девочка.

Куратор склонился над ребёнком.

– Ты видишь достаточно для этого мира, – прошептал он. И, подобрав упавший в мокрый песок кристалл, уже громче добавил:

– Никогда не разговаривай с незнакомцами, малышка.

Глава 2 Инна

У каждого человека нужно найти то, за что его можно простить

1

Всё в её жизни было ненастоящим. Ненастоящий дом, в котором она жила с ненастоящим мужем. Дом, который, казалось, не любил её настолько, что в нём постоянно что-то ломалось. И её ненастоящий муж не по-настоящему время от времени что-то чинил в этом доме. Даже волосы у неё были ненастоящие: огненно-рыжая завитая шевелюра – результат стараний молоденькой парикмахерши из соседнего подъезда. И только мир её фантазий, мир, в котором она проводила большую часть времени, был истинным. В свои тридцать два Инночка Горелова оставалась сущим ребёнком – ранимым, нежным, доверчивым.

Настроение с самого утра было плохим. Инночка посмотрела на часы: пятнадцать минут восьмого. В праздничный день можно было бы поспать и подольше, но спать не хотелось, в носу противно пощипывало, горло саднило. Неужели простуда?

Инночка бросила взгляд на пустую половину кровати. На розовом пододеяльнике лежал пульт от телевизора. Мужа не было. Он вчера вечером ушёл навсегда. Так и сказал: «Я ухожу навсегда».

Стало обидно – праздник ведь, мог бы и остаться. Но он вообще не признаёт праздники, особенно Восьмое марта. «Женщину нужно любить 365 дней в году, а не только Восьмого марта», – повторял он каждый праздник и уезжал к бывшей жене.

Подумав об этом, Инночка расстроилась ещё больше. Какой он муж? Ненастоящий.

Горло болело, надо бы выпить горячего чая. Инночка решительно отбросила одеяло, накинула розовый халатик и пошлёпала в кухню.

Солнце по-весеннему ярко светило в окно. Два голубых пакета с мусором стояли возле мойки, в которой лежала гора немытой посуды.

«С праздником!» – поздравила себя Инночка.

Чайник уютно заурчал. Но заварки не оказалось. Инночка налила в чашку кипяток, добавила малиновое варенье, ломтик лимона и выпила. Першить в горле перестало. Вернувшись в спальню, она нырнула под одеяло и закрыла глаза.

Однажды (они прожили вместе тогда только год) ей очень захотелось, чтобы муж пригласил её в ресторан. Всю дорогу он молчал и хмурился. Уже выходя из машины, раздражённо спросил: «Ты выбрала, куда мы идём?». От такого тона Инночке выбирать расхотелось, она подумала о тёплой кухне, зажаренных окорочках в духовке и, глотая слёзы, бодро ответила: «Домой». Больше она никуда не просилась.

Инночка посмотрела на часы и потрогала телефон. Может, ещё позвонит? Поздравит с праздником и, как прежде, станет её уговаривать никуда не ходить, полежать, посмотреть телевизор. Хотя что его смотреть? Чужая жизнь, чужой праздник.

Телефон молчал. Почему-то вспомнился сон: изрытая дорога, уходящая за горизонт; она идёт, держа на руках ребёнка. Нужно успеть, обязательно успеть, вот и автобус, она бежит за автобусом, пытаясь протиснуться в открытую дверь. Ступенька так высоко, а ноги тяжёлые. Нет, не успела. А зачем ехать? Остановка-то рядом, надо немного пройти. Она опускает ребёнка и берёт его за руку, они идут. Они ищут дом, свой дом.

Телефон призывно звякнул – звонила Дашка. Потом ещё кто-то, и этот кто-то поздравлял, желал ей всего-всего, а праздника всё равно не было. Он не позвонил, и Инночка окончательно расстроилась.

2

Благотворительный фонд «Луч надежды» доживал последние дни. Его руководитель Василий Кузякин понимал это лучше кого бы то ни было.

Фонд достался ему от Антона Загорского, известного в 90-х годах писателя и режиссера. Идея создания фонда возникла у Загорского после развала Союза, когда фонды росли, как грибы. «Луч надежды» работал в основном на его руководителя, «гениального и непревзойдённого Антона Станиславовича». Рухнувшая социалистическая система прекратила финансирование творческих союзов. Но многочисленные друзья, всё ещё остававшиеся во властных структурах, щедро делились с фондом «чем Бог послал». Но всё когда-то заканчивается. Коммунистов сменила оппозиция, Загорский к тому времени слёг с язвой желудка, а после операции так и не смог вернуться. Возможно, если бы ему пришла в голову мысль передать фонд более гибкому руководителю, всё сложилось бы иначе.

Беда нового начальника, Василия Кузякина, была в его жадности. С юных лет вечно взъерошенный, пухленький Вася Кузякин боялся остаться с носом. С годами на пышном дереве многочисленных Васиных комплексов распустились цветы параноидальной подозрительности. Кузякин просто не мог не думать о деньгах. В каждом он видел жулика и, став руководителем, мучился, не спал ночами, представляя, как его обворовывают немногочисленные подчинённые.

Часто, проснувшись от дурного сна, он доставал калькулятор и погружался в расчёты. Он считал чужие деньги, воображая, как бы он потратил полученный гонорар, завидовал коллегам, выпустившим новую книгу, и ненавидел поэтов, получивших очередную награду. Он был ужасно скуп. Если он покупал для фонда канцтовары, то они были самыми дешевыми. Если печатал пригласительные билеты, то их стыдно было взять в руки, до того блёклыми и неинтересными они были. На работе он изводил мелочными придирками бухгалтера и секретаршу – основной штат сотрудников фонда. И те не увольнялись только потому, что болезненную даму-бухгалтера устраивала работа рядом с домом, а молоденькая заочница-секретарша работала всего пару часов, и то с конспектом в руках.

Кузякина не любили. Те, кто занимал высокий пост, использовали его в своих интересах. Те, кто наивно надеялся что-то получить от фонда, ему льстили. Кузякина не любили женщины, потому что женщины не любят жадных и потому, что, завидев бутылку «Перцовки», он делал выбор не в их пользу. Нет, он не был пьяницей. Он был унылым, уже немолодым поэтом, обременённым большими амбициями, маленькой зарплатой и мучившей по ночам одышкой.

Он был женат дважды, и оба раза неудачно. Так считала мама. Первый ребёнок родился «по молодости», второй – «из-за женского коварства». Мать всегда старалась оградить Васеньку от раскинувших сети на её мальчика женщин. С малых лет она внушала Василию, что всему он обязан только ей, и он добросовестно выполнял сыновний долг, не пытаясь уклониться, но иногда вдруг чувствовал, как задыхается в объятиях неимоверной материнской любви. Прожив с первой женой год и услышав от матери сакраментальную фразу «или жена, или машина», Василий выбрал машину.

Прошло пять лет, и он снова женился. Во второй раз выбирать было сложнее. Хрупкая жена Зиночка и маленькая дочка Ляля доверчиво заглядывали в глаза в ожидании его любви и защиты. И хотя Василий покорно отбывал свою повинность, мать снова предложила выбор: жена или полдома в её завещании. Тогда-то Василий и пристрастился к бутылке. Родители Зины, узнав о незавидной участи дочери, забрали её и маленькую внучку в Москву.

Как-то незаметно плотские утехы перестали волновать Василия. Любовные игры не доставляли ему удовольствия. Он быстро загорался и тут же остывал. Его мужское достоинство, как спущенный воздушный шарик, с грустью напоминало о былых подвигах. «Бог дал на раз пописать», говорят о таких, как он, мужики. Единственное, что ещё радовало Кузякина, – это праздники. Особенно женский день, когда можно вдоволь поесть и выпить «на дурняка». Он и сегодня пришёл на работу с расчётом поприбавить оставшимися деликатесами. Девчонки вчера накрыли шикарный стол: бутерброды с икрой, крабовый салат, фаршированная рыба...

Василий распахнул старый холодильник и уставился на пустые полки. Еды не было. Вымытые тарелки стояли у него на столе. «Вот стервы, всё унесли домой, а ведь ещё много оставалось».

Голова гудела, будто растревоженный осиный рой. Как это он вчера так набрался?

Василий открыл сейф, в котором самым ценным была печать фонда, и вытащил заначку – наполненную на треть бутылку коньяка. Достал граненый совдеповский стакан, дунул на мутное стекло, брезгливо протёр его полкой пиджака и налил из бутылки тёмную жидкость. Залпом выпил, при этом негромко крикнул и, откинувшись на спинку стула, закурил.

Тяжелая входная дверь противно заскрипела, и на пороге комнаты появился высокий мужчина в длинном чёрном плаще и чёрной шляпе. Окинув взглядом убогую обстановку комнаты, он сделал шаг в сторону курившего председателя.

– Прошу прощения, что отрываю Вас от работы, но я хотел бы видеть Кузякина Василия Фараоновича, – чётко проговаривая каждое слово, произнёс мужчина в чёрном плаще.

Схватив со стола бутылку, Кузякин метнулся к сейфу. Затем, устыдившись своей суетливости, покраснел и недружелюбно посмотрел на незнакомца.

– Всем подавай Кузякина. Сегодня выходной, между прочим. Женский день!

– О, простите, – любезно заговорил мужчина, – я только на одну минутку.

Кузякин почувствовал, как тёплая волна пробежала по позвоночнику. «Коньяк, – мелькнуло в голове, – хорошо-то как».

– Ну если на минутку, – Кузякин блаженно улыбнулся, – тогда, как говорится, милости прошу к нашему шалашу.

Довольный собой, он показал на стул для посетителей. Незнакомец сел и демонстративно окинул взглядом комнату. Мебель была убогой: обивка кресел местами вытерта, обшарпанные книжные шкафы были забиты старыми журналами, с потолка свисала пыльная допотопная люстра. За спиной у Кузякина, прямо над сейфом, висел старый календарь за 1995 год, а рядом – огромная афиша с улыбающимся предшественником.

– Вам бы, Василий Фараонович, ремонт небольшой сделать, да и мебель прикупить не мешает.

– Какой там ремонт, – махнул рукой Кузякин, – денег на счету совсем нет. Брошу я этот фонд, уеду на заработки.

– И куда ж изволите, если не секрет? – откинувшись на спинку стула, продолжал незнакомец.

– Да хотя бы в Киев. Помощником депутата пойду. Сейчас партий как собак нерезаных. Выборы на носу, пристроиться можно.

– Похвально, похвально. Только выборы-то через год будут, а кушать каждый день надо.

– Вот и я о том, – вздохнул Кузякин, – денег на счету совсем нет.

– А я как раз о помощи и пришёл с Вами поговорить.

Василий с интересом посмотрел на незнакомца.

– Хочу предложить небольшую сумму в обмен на скромную информацию.

Незнакомец открыл портмоне и вынул стодолларовую купюру. Василий напряжённо следил за рукой.

Положив купюру на стол, мужчина достал следующую. «Пять... Шесть... Семь... Восемь... Десять», – шевелил губами Кузякин. Когда последняя стодолларовая бумажка легла поверх остальных, Василий нервно сглотнул.

– Мне бы адресок один, Дарьи Дмитриевны Гусевой.

– Гусевой? Не знаю я Гусевой, – растерянно произнёс Кузякин.

– Знаете, милейший, Вы даже влюблены в неё были.

– В Гусеву?

– В Гусеву! Только фамилия у неё другая была – Ткачёва.

– Ткачёва, – облегчённо выдохнул Кузякин. – Дашка? Ну как же, помню. Она на первый курс поступила, а я на кафедре лаборантом работал.

Кузякин мечтательно закрыл глаза.

– Красивая девчонка, скажу я вам. Живёт она в доме родителей, Некрасова, 25. После смерти матери туда и переехала со своим очкариком. И что она в нём нашла?

Вспомнив Дашкиного мужа, Кузякин поморщился.

– Вы бы посмотрели на него. Хлюпик! Откуда только деньги берёт, паршивец? Как у них, молодых, получается деньги зарабатывать, ума не приложу!

Дашкиного мужа Кузякин не любил. Ничего не делает, у компьютера сутками сидит, и на тебе – иномарку купил. А он, Василий, так и промучается всю жизнь со своим «запорожцем».

Воспоминание о новой машине Дашкиного мужа вызвало прилив раздражения. И тут же заболел желудок.

– Да Вы успокойтесь, – миролюбиво заговорил незнакомец. – Поедете в Киев, займётесь политикой, скоро и у Вас новая машина будет.

«Про машину я разве сказал? Или уже думать вслух начинаю, вот дурак!»

– Вот Вы говорите – займётесь политикой! Грязное дело, скажу я Вам. Кто хотя бы раз прорвался к позолоченной кормушке, уже ни за что её не оставит. А остальным как быть? Ввязываться в драку? Вбросить шайбу в зону, а потом устроить хорошую свалку? Многие так и делают, пока остальные дерутся, сами к корыту пропихиваются, ещё и миротворцами прикидываются.

Кузякин поднял указательный палец и зачем-то погрозил висевшему на стене портрету своего предшественника.

– Политики приходят и уходят, а родимые пятна лжи передаются от поколения к поколению. Нищета растёт! Вы скажете – демагогия? Согласен – чистая демагогия. Но тогда ответьте, почему тот, кто хочет прийти к власти, вбивает в голову народу, что он, народ, есть быдло, не умеющее распоряжаться своей жизнью, и ему нужен царь-батюшка, который всё решит за него? Мы все участники преступления! Все! – Кузякин снова погрозил портрету.

– А Вы циник, – усмехнулся посетитель.

Кузякин хмуро кивнул и воззрился на пачку денег.

– Хотите анекдот? – Василий с трудом оторвал взгляд от вожаемой стопки банкнот. – Политичес-с-ский! Встретились два депутата. Один другому говорит: «А знаешь, женщины умнее нас». «Это ещё почему?» – спрашивает второй. «Они не выходят замуж только за то, что у тебя длинные ноги!»

Рука Кузякина потянулась к стопке.

– Берите, берите, – незнакомец подвинул деньги. – А мне пора.

– А может?.. – Кузякин сделал выразительный жест, предлагая гостю выпить. – Совсем немного, в честь праздника?

– Нет, нет, это Вы уж сами, – ответил странный посетитель, поворачиваясь к нему спиной.

– Ну как знаете, – махнул рукой захмелевший Василий закрывшейся за незнакомцем входной двери.

Допив оставшийся коньяк и пересчитав купюры, Василий довольно хмыкнул.

– Вот урод! И откуда деньги такие...

Он ещё не успел договорить о том, откуда у незнакомца могут быть деньги, как дверь опять хлопнула, и Кузякин с удивлением уставился на недавнего благодетеля. Тот был уже без шляпы и плаща, в старой кожаной куртке.

– Что-то забыли?

Кузякин сжал подаренные купюры и сунул руку под стол. Посетитель молчал. «Какой-то он странный, – подумал Василий, – вроде и не тот совсем».

Вошедший показал на лист бумаги.

– Записать? Адрес записать? – засуетился Кузякин. – Некрасова, 25, Даша Ткачёва, тьфу ты, Гусева, конечно, Гусева, – протянул он листок с адресом нежданному гостю.

Странный посетитель сунул листок в карман и, не сказав ни слова, вышел вон.

– Фу ты, напугал как. Вот урод!

Василий Кузякин с сожалением посмотрел на пустую бутылку, снял с вешалки куртку и, в очередной раз икнув, подумал: «Пойду-ка я отсюда от греха подальше».

3

Тёплые мягкие пальцы, едва касаясь, скользили по голой спине. Было приятно и немного щекотно. Поглаживание вверх-вниз продолжалось пару минут. Усыпив бдительность, рука вползла под резинку кружевных трусиков. Инночка напряглась и перестала дышать. Рука нежно погладила ягодицы и нырнула в заветную ложбинку. Инночка тихо застонала, подставляя под тёплые пальцы живот. Рука послушно погладила нежную кожу живота и, описав круг, сжала напрягшуюся грудь. Сосок сладостно заныл. «Ещё, ещё», – пронеслось у неё в голове. Рука послушно повторила движение. Нахлынувшие волны света пульсировали перед глазами. Яркие сине-красные круги мешали смотреть. Сердце бешено застучало. Она повернула голову и уткнулась в требовательные горячие губы, уносящие её в море света.

«Где я?» – испугалась Инночка, оглядев погружённую во мрак чужую комнату. Она напряжённо таращилась в незнакомое пространство, ничего не соображая. – Как я сюда попала, почему голая?»

В голове была какая-то каша: обрывки фраз, мягкое поглаживание рук, требовательные губы и свет, море света. Луна смотрела сквозь незадёрнутое окно. Огромный чёрный предмет в углу комнаты, какая-то решётка и вторая ухмыляющаяся морда луны, смотрящая на неё прямо со стены.

«Где я?»

Рядом что-то засопело, зашевелилось. Волосатая нога выползла из-под одеяла. Инночка собралась закричать, дыхание перехватило и вдруг она всё вспомнила. Она у Даши! Чёрный предмет – просто шкаф, решётка – кровать маленького Тимура, а жёлтая морда луны – зеркало, висящее напротив кровати, а в нём луна, та, что в окне. Всё встало на свои места. Инночка тихо засмеялась. Как всё просто, просто и замечательно! И волосатую ногу она тоже вспомнила. Это тот мужчина, с которым оказалось так легко и приятно.

...Когда Инночка Горелова уже решила, что день 8-го Марта окончательно испорчен, позвонила Дашка.

– Хватит кукситься, Инесса-баронесса! Ты, как всегда, одна? – просипела трубка простуженным Дашкиным голосом. – Приезжай к нам, будет пицца из колбасы, заезжие барды и местные поэты.

Погода к вечеру окончательно испортилась. На душе у Инночки было так же хмуро, как и за окном, идти никуда не хотелось. Ей не хотелось колбасы, ещё меньше бардов и местных поэтов, но вечер в полном одиночестве неминуемо предвещал начало депрессии, и она согласилась.

Дашка, единственная подруга со студенческих времён, жила в самом центре города с мужем, тремя детьми, котом Кексом и двумя попугаями – Тёмой и Изюмом. Близнецы Катя и Саша и новорожденный малыш Тимур были её гордостью.

Инночка и Дашка дружили с первого курса, голубоглазая красавица Дашка была любимицей всей группы. На пятом курсе она влюбилась в профессора Званцева. Это был человек, у которого, как, смеясь, говорила Дашка, осталось много бывших друзей. Когда-то, ещё до того, как он занялся политикой, он был милым, добрым, интеллигентным. Потом, чтобы выжить, ему пришлось принять другие правила: игру больших мальчиков из большого бизнеса. Но тогда, на пятом курсе, Дашка умирала от безответной любви, писала стихи, караулила его на кафедре и увлажняла по ночам подушку невинными девичьими слезами. В тот год Зван-

цев разошёлся с очередной женой, был полон новых планов и брызжущей энергии. Он самозабвенно читал лекции, на которые собирались студенты даже с других факультетов, раздавал обещания, которые тут же умудрялся забывать, выступал на международных форумах и конгрессах, менял поклонниц, в общем, жил полноценной жизнью молодого энергичного профессора, не обременённого заботой о семье. Дашка вздыхала, писала в своём дневнике слезливые стишки и таяла на глазах от неразделённой любви.

Инночка с грустью наблюдала, как подруга погружалась в «бездну разочарования, прогоняя рой немыслимых фантазий», читала незамысловатые строки её стихов и тоже мечтала влюбиться вот так, по-настоящему, как Дашка. Но под конец учёбы та выскочила замуж за Руслана, долговязого программиста с соседнего факультета. Нарожав ему детей и защитив кандидатскую диссертацию, она учредила свою газету, преподавала бог весть в каких вузах, оставаясь при этом весёлой и заводной душой компании.

Праздники в этой семье обожали. Как всегда, гостей было много и на удивление самых разных: кандидат наук и студент-третьекурсник, астролог, писатель, восходящий политик, молодой и уже немолодой бард, редактор опального журнала и несостоявшийся поэт.

Сбросив с себя плащ и водрузив на холодильник торт, купленный по дороге, Инночка сразу окунулась в атмосферу домашнего тепла и аромата дрожжевого теста.

– Иннуля, как хорошо, что ты пришла, – радостно бросилась на шею Дашка, – я с этими мужиками совсем с ног сбилась. Тут ещё Тимур весь вечер капризничает. Видно, народу много, он маму и ревнует, от себя не отпускает.

Тимур висел в «кенгуру» на животе у Дашки и громко пыхтел, пытаясь расстегнуть пуговицы на её кофточке.

– Видишь, опять сиську ищет, – счастливо улыбнулась та.

– Дашка, ну почему так происходит? – дрогнувшим голосом прямо с порога заговорила Инночка. – Почему человек так наивен? Почему думает, что может всем помочь? Облаготворять. Растрчивает себя на работе, по капельке отдаёт себя другим, при этом начисто забыв о тех, кто рядом. Рядом каждый день! Понимаешь, он занят только собой! Успех, признание – всё это призрак, манящий и ничего не дающий взамен. А я? Я понимаю, что человек вправе выбирать сам, но почему он не хочет нести ответственность за свой выбор? Капризничает, обижается, как маленький ребёнок, и совсем не видит возникшую проблему.

– Как сказал неповторимый Оскар Уайльд: создавая человека, Господь Бог переоценил свои возможности, – невесело улыбнулась подруга, став на минутку мудрым кандидатом наук и верно поставив диагноз Инночкиной тираде. – Я давно говорила, что рано или поздно вы с Костей расстанетесь. Это не твой мужчина, а ты не его женщина. Вы разные. И потом когда уходишь, нужно закрыть дверь в прошлое. А твой драгоценный Костик так и не ушёл из прежней семьи. Да и что это за жизнь? Ты мучаешься, ревнуешь. Он постоянно чувствует себя виноватым. Перед тобой, перед бывшей женой, дочкой. И тем, согласишься, несладко.

– Самое ужасное, что каждое воскресенье он идёт к ней. Он ни за что не допустит, чтобы его бывшая вышла замуж.

– Может, боится? А вдруг у вас с ним ничего не получится?

– Скорее, сохраняет запасной аэродром.

– Он с ней спит?

– Кто его знает? Говорит, что нет, но я ему не верю.

– Не понимаю, как ты миришься? Я бы не смогла.

– И, главное, врёт постоянно. Ходит с ней к друзьям, берёт её на выставки своих картин, а я, как дура, дома одна сижу. Больше не могу, надоело всё, годы уходят.

– Да, что ты, Иннуля, ты молодая, ещё встретишь своего принца. Отпусти его, не пытайся вернуть.

– Ты мудрая, – прижавшись к подруге, всхлипнула Инночка. – Я думаю, никого отпускать уже не нужно. Он вчера ушёл и, наверное, навсегда...

– Я старая и многодетная, – ответила подруга, погладив Инночку по руке. – У меня трое детей, муж, два кота и огромная собака. И у каждого свой особый характер. Давай после ужина посекретничаем, как в старые добрые времена.

Инночка так долго делала вид, что у неё всё хорошо, что совсем забыла, как это может быть здорово – поплакаться на плече всё понимающей подруги.

– Иди к народу. Там пицца в духовке. Я тоже сейчас приду, только зайчика своего покормлю, – сказала Дашка, нежно пощипывая щёчку маленького Тимура.

В центре кухни громоздился самодельный деревянный стол. Руслан крутил в руках электрический самовар, пытаясь понять, почему он опять не работает. Остальные гости просто курили и вели неторопливую умную беседу.

Инночка протиснулась между раковиной и чьей-то широкой спиной, заглянула в духовку и незаметно обвела глазами присутствующих. Широкая спина, надёжно укрывшая Инночку от народа, шевельнулась и заговорила хорошо поставленным баритоном:

– И в нашем обществе, и у животных одни и те же законы. Выживает сильнейший! Люди исказили человеческую природу, выдумав мораль. Вспомните московский погром в июне 2000 года. Футбольный матч Россия – Япония превратился в массовое помешательство подростков. Обезумевшая восьмидесятитысячная толпа, вооружённая бутылками пива, с радостным воплем бросилась громить мониторы, транслирующие матч, иномарки, припаркованные на Тверской. Она сметала на своём пути конную милицию и представителей ОМОНа. А вы говорите о морали. Уж какая тут мораль? Мораль выгодна слабым. Как говорится: высшая свобода – выбирать рабство по своему вкусу.

– Конечно! – послышался хриловатый молодой голос.

Инночка высунулась из-за спины и увидела стриженую девицу в очках с сигаретой в руке.

– Конечно, мораль – выдумка одних для одурачивания других, она противоестественна, так как извращает человеческую природу. Люди постоянно усложняют себе жизнь, придумывая разные правила. Стыд противоестественен! Сколько существуют люди, столько и существует условность человеческих обычаев. Если у одних народов плохо выходить замуж девицей, то у других, наоборот, это хорошо.

Для убедительности девица вдавила окурочек в пепельницу и закинула ногу на ногу. Хлипкий студент-аспирант, сидящий по правую руку от стриженной девицы, встрепенулся и неуверенно произнес:

– Невозможно одними уговорами сделать людей добрыми...

– Вы ещё скажите, что добро идёт от человеческой слабости, – забасила спина. – Ответьте мне, почему добро хорошо, а зло плохо? Есть только один универсальный закон мироздания – стремление к власти. Покажите мне дерево, которое не борется с другими из-за света.

– Да о чём мы спорим? – вскинула руки стриженная девица – Человек человеку волк! Поймите же, если мы не самодостаточны, то мы просто используем другого. Мы не любим его. Тот, другой – вечный враг, покушающийся на наше счастье, но он и предмет наших желаний, он часть, ещё не «проглоченная» нами. Наша вечно голодная воля утверждается через другого, более слабого. Она приковывает нас к нему, но не узами любви, а страстью к удовлетворению. А вся человеческая культура – лишь набор мифов, скрывающих устремления эгоистической воли.

Девица гневно взмахнула рукой, изобразив то ли набор мифов человечества, то ли устремления эгоистической воли. Инночке на миг показалось, что каждый говорил о самом себе, о том, что беспокоило только его, при этом совсем не слыша соседа.

– Но ведь даже животное сохраняет своё потомство, это и есть мораль, – покраснев, встал студент.

Спина напротив Инночки вздохнула:

– Всё, что вы говорите, – вздор. Да, не люди придумали мораль. Мораль существует и у животных. Люди всего лишь подражают им. Добро и зло существуют самостоятельно. Эти два бога воюют друг с другом, а мы лишь выбираем, кому из них молиться.

– Люди отпали от Бога и стали понимать свободу как своеволие, – заговорил куливший у окна блондин. – Этот мир возник в результате самоограничения Бога. Так проявился закон жертвы. А по-вашему выходит, что Бог виноват в том, что в этом мире существует зло...

– Есть только д-д-добро, и оно от Бога, – слегка заикаясь, перебил его студент. – Наш мир – иллюзия. Абсолютное добро воплощено в Боге, п-п-персонифицировано. Познавший эту истину делается свободным от греха.

– Ерунда, – замахала руками экзальтированная девица, – человек уже приходит в этот мир со своими греховными желаниями. С первым криком он требует, требует, требует...

– Тогда получается, что болезнь – расплата за грехи? И Богу необходимы наши страдания? – бросил с вызовом студент.

Блондин стряхнул пепел в открытую форточку и, подмигнув выглянувшей из-за скрывавшей её спины Инночке, ответил:

– Ещё Платон считал, что качество изделия, в данном случае тело человека, зависит не только от ваятеля, то есть Бога, но и от качества материала, от нашей с вами нравственной природы. Когда страдает тело, душа очищается. Через смирение. Но Вы ошибаетесь, юноша, Богу неуютны наши страдания. Он не посылает их специально – мы сами их выбираем. Мы выбираем меру своей вины, а затем изводим себя раскаянием. Но это уже из раздела психологии...

– А как же душа? Вы сказали, страдания очищают душу, – не унимался студент.

– Душа очищается, если человек принимает себя не таким уж идеальным, а совершающим ошибки. Ещё он признаёт, точнее, принимает других такими, каковы они есть на самом деле, – слабыми, греховными, несовершенными. Принимает смерть, болезнь и волю Бога.

– Что же тогда зло? Неотъемлемая наша часть, наша греховная натура?

– Поймите, люди по своей натуре больше глупы, чем аморальны, – продолжая смотреть на Инночку, ответил блондин. – Зло рождается от несовершенства социального организма. Если бы общество было совершенным, то зла бы не существовало...

– Не существовало? Если всё так, как Вы говорите, то что нам мешает быть счастливыми? – перебил его студент.

Блондин насмешливо пожал плечами и затянулся сигаретой.

– Первое – это страх! – забасила спина, закрывавшая Инночку. – Страх потери денег, времени, отношений. Второе – сомнения. Мы не видим дальше собственного носа, не видим перспективу, изменение в целом. Третье – это лень! Мы прикрываемся чрезвычайной занятостью. Я занят! Чем? А ничем, занят и всё! Нам лень заботиться о своём здоровье. Зарядка? Спорт? Бассейн? Витамины? Даже к стоматологу сходить лень. Я занят! Очень! Нам лень заботиться о своём богатстве. Зачем куда-то идти? Звонить? С кем-то говорить? Нам лень! Четвёртое – нам постоянно мешает привычка. Вся наша жизнь – чередование наших привычек. А есть ещё высокомерие. Если вы встретили высокомерного человека, знайте: перед вами монстр, состоящий из эгоизма и невежества.

– По-вашему выходит, что стать успешным просто? – запальчиво возразил студент.

– Очень просто! Любое дело должно иметь цель. Желательно грандиозную. У вас есть выбор. Всегда! Как говорил один мудрец, у человека два уха и один рот. Только рот он не закрывает: спорит и спорит вместо того, чтобы задавать вопросы и слушать! И ещё одно. Очень важно научиться осторожно выбирать друзей. И уж, конечно, не слушать советы бедных и напуганных. Цените владеющих информацией! Девиз моего отца, а он, скажу вам, многое повидал в этом мире: деньги – тесто. Нужно только найти рецепт, как его приготовить. Заплатите сначала себе – это и будет началом вашего успеха.

– Всё, починил, – подал голос Руслан, установив самовар в центре стола. – Хватит спорить, будем пить чай.

4

Инночка Горелова сладко потянулась и села на кровати. Было ещё очень рано. В доме все спали, а в незадёрнутое окно заглядывало серое весеннее утро.

«Ну почему на женский праздник всегда хмуро и сыро?»

Инночка нырнула обратно под одеяло и зажмурилась. Костя так часто говорил, что ей нужно найти другого мужчину, что она наконец поверила, и вот результат. Она узнала его сразу: с той первой минуты, когда вошла на кухню и увидела насмешливые синие глаза, будто невидимая нить прикреплалась к её истосковавшейся по счастью душе.

Всю ночь она прижималась к своему блондинистому кумиру. «Его зовут Герхард. Имя-то какое, и не выговоришь!» Инночка мысленно засмеялась. Она будет называть его Гера, а ещё лучше Героч-ка. «Милый, милый Герочка».

Инночка уткнулась носом в подушку и вдохнула едва уловимый запах любимого мужчины.

«Куда он делся? Наверное, курит. Холодно, заболеть может. Вылечим, всё вылечим».

Дверь спальни тихонько скрипнула. «Ага, вот и ты, мой блондин-искуситель». Инночка обернулась и увидела встревоженные Дашки-ны глаза.

– Ты Тимура не видела?

– Кого? – чуть охрипшим после сна голосом спросила Инночка.

– Тимочку, маленького Тимура, – с надеждой посмотрела Дашка.

– Нет, – растерялась Инночка.

Дашка села поверх одеяла и заплакала.

– Он исчез.

– Кто исчез?

– Тимка, его нигде нет. Я всю квартиру обошла, думала, может, кто из гостей к себе взял. Ну, мало ли, – не совсем уверенно пожала плечами Дашка. – Может, заплакал и кто-то взял, чтобы меня не будить. Я так крепко уснула, легли-то поздно.

Спать действительно легли поздно. После вечернего чаепития с пищей, сухим вином и умными разговорами все долго не могли уgomониться. Дашка как радушная хозяйка держалась до последнего, но в начале второго, шепнув Инночке: «Я вам постелила в комнате Тимура», – ушла с малышом спать в комнату к близнецам.

Подруга тогда залилась краской, но благодарно улыbнулась – Герхард весь вечер ухаживал за ней, и продолжение прелюдии плавно перешло в спальню маленького Тимура.

Инночка помнила, что ночью она просыпалась. Было ещё темно, Герхард посапывал рядом, а из кухни доносились голоса и пение под гитару. Потом она снова уснула, и вот, малыш Тимур исчез.

Они искали его молча. Инночка и Дашка ползали по ковру, заглядывая под столы, стулья и за кровати. Квартира была большая, столов и кроватей было много, но с каждой минутой надежда найти ребёнка таяла. Проснувшиеся гости включались в поиск. В ванной нашли погремушку, шумели, переговаривались, и это больше было похоже на игру в прятки, чем на поиски ребёнка. Ещё через четверть часа Дашка беспомощно сидела на полу, уставившись на Тимкину погремушку полными слёз глазами.

– Я вызываю милицию, – решительно проговорил Руслан.

Дальнейшие события Инночка помнила плохо. К обеду пришёл участковый инспектор, потом ещё кто-то из уголовного розыска, и она, как автомат, отвечала на вопросы, искала фотографии Тимура для какой-то ориентировки, диктовала приметы малыша, кормила близнецов, прижимала к себе растерянную Дашку и всё думала: «Куда подевался Герхард?».

Мужчина, с которым она провела лучшую в своей жизни ночь, пропал, стигнул, не сказав ни слова. От него не осталось ничего: ни телефона, ни фотографии, ни имени.

Геры, любимого Герочки Вагнера, преподавателя русской литературы, профессора Хайдельбергского университета, не существовало в природе. Теоретически и даже практически Герхард Вагнер был. Им оказался пожилой остроносый немец, который вместе со своими студентами был предъявлен на опознание Дашке. Дашка немца не опознала. Того, другого Герхарда, она встретила в библиотеке университета два дня назад. Он подошёл сам и предложил спонсорскую помощь для газеты. Поговорив с полчаса, она почти влюбилась в обаятельного «профессора», перезнакомила его со всеми и пригласила в гости, правда, при этом забыв записать свой адрес. Но он пришёл с цветами и апельсинами. А потом пропал Тимур, и «профессор» тоже исчез.

Инночка и Дашка отказывались верить в то, что именно Герхард похитил Тимура. Инночка – потому, что влюбилась, а Дашка – потому, что доверяла своей интуиции и никогда не заблуждалась в людях. Ну, почти никогда.

Инночка осталась ночевать в комнате Тимура. Она взяла из дома сумку с вещами и после работы возвращалась к Дашке. По вечерам они теперь больше молчали, думая каждая о своём. К концу месяца Дашке выдали бумагу, в которой было написано, что по указанным приметам найти ребёнка не представляется возможным. Дашка положила бумагу в коробку с документами и горестно вздохнула:

– Господи, что же мне делать? Где мой малыш?

Инночка прижалась к подруге и тоже заплакала.

Глава 3 Наташка

21 октября 2012 года Галактические Солнца встанут в один ряд с Млечным Путём. Галактическое солнцестояние возвестит о возрождении и обновлении мира. Воины Света будут готовы

Наташка пропала неделю назад. Просто так взяла и пропала. Вечером, накануне, она принесла свой дневник и попросила спрятать. Вероника прятать не стала, положила в стол возле компьютера и тут же о нём забыла.

– Сегодня Ольга Фёдоровна звонила, – сказала Наталья, по-хозяйски распоряжаясь на кухне у подруги. Она поставила на огонь турку с водой, ополоснула заварочный чайник и всыпала туда заварку.

– Мирить вас собралась? – улыбнулась Вероника, выкладывая на тарелку любимое Наташино печенье.

Ольга Фёдоровна, мать бывшего мужа Натальи, никак не могла поверить в то, что они расстались. Сашка был неплохим фотографом и послушным сыном, но на дух не переносил критику. Любое замечание по поводу и без повода вызывало у него всплеск негодования и обиды. Наталья же, даже если была неправа, никогда не уступала, и переспорить её было невозможно. Оскорблённый непониманием со стороны супруги, Сашка действовал по давно отработанному сценарию: выпивал «на посошок» стакан водки и исчезал из дома. Спустя несколько дней Наташка находила исхудавшего и дурно пахнущего мужа на тусовках местного андерграунда, среди нечёсанных девиц и таких же лохматых парней. Отмывала, откармливала и возвращала к нормальной жизни. Он каялся, клялся в вечной любви, но уже через месяц всё повторялось: в сердцах Наталья делала ему замечание, а потом с трудом вырывала из объятий неистовой молодёжи. Так продолжалось два года супружеской жизни и ещё год после развода. Наконец, в прошлом месяце она отселила экс-супруга-фотографа ссвоей жилплощади в коммуналку, которую эти годы перманентно занимали его друзья по художественному цеху.

– Ты не поверишь, – потешалась Наташка, – вчера ко мне домой Жига заявился. Ну помнишь, заводной такой парень с филфака?

Сашку Жигунова по прозвищу Жига Вероника помнила. Он пел чудесные песни под гитару на всех студенческих вечерах, и о нём вздыхала без малого треть обитательниц женского общежития.

– Попросился на одну ночь. Его на конференцию в Москву командировали, а в гостинице что-то перепутали, и место забронировали только с сегодняшнего числа, – продолжала рассказ подруга. – Я ему на кухне постелила. А сегодня ведь воскресенье, ну мы и дрыхли до девяти. А тут телефон звонит. Жига спросонья трубку взял.

Ему: «Алло, Сашенька!»

Он: «Да».

Ему: «Сыночек, ты чего не звонишь?»

Жига в ответ: «Мам, а как ты меня нашла?»

В трубке: «Да я и не надеялась. Как там Наташа?»

Он: «Спит ещё. Я тебе открытку с видом на Кремль купил».

В трубке: «А зачем? Ты бы лучше приехал! Недалеко ведь живёшь?»

Тут Жига окончательно проснулся, понял, что это вообще-то не его мама, трубку бросил и пришёл меня будить. Я ему: «Дурак! Это свекровь звонила! Моего бывшего тоже Сашкой зовут. Что я теперь ей скажу? Ну зачем ты трубку взял?».

– Так ты же спишь! – резонно заметил Жига.

– Короче, – выходя из роли рассказчицы, продолжала Наталья, – только я выпроводила огорчённого «благодетеля», как снова звонит Ольга Фёдоровна:

– Наташенька, я утром, кажется, не туда попала. Представляешь, там тоже Саша ответил.

– Бывает, – отозвалась я, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

– Послушай, Натуля, а может, вы того... сойдётесь? – Вероника с надеждой заглянула в лицо подруги.

– Вот ещё! Я сейчас себя человеком чувствую. А то как нянька при дитятке великовозрастном. Ольгу Фёдоровну жалко, хорошая свекровь мне досталась, намучается она ещё с сыночком... Я тут, Вероника, с интересным типом познакомилась, – она понизила голос, – такие вещи рассказывает – закачаешься! Клоном себя называет, завтра встречаемся. Да, вот ещё, – Наташка замялась, – помнишь, когда мы в Крыму отдыхали, я у экстрасенса училась?

Вероника кивнула.

– Мне увидеть её нужно. Ты дяде Серёже позвони, я недельку у него поживу. Хорошо, зайчик?..

– Ох, Наталья, и чего тебя в мистику тянет? Вроде и не внушаемая ты.

– Не говори чепухи! Какая мистика? Это всё прикрытие для дамочек экзальтированных. Я сначала тоже всему верила, а потом узнала, какие за этим люди стоят и какие дела делаются... Ладно, позже как-нибудь расскажу.

Проговорив до позднего вечера, они расстались. О дневнике Вероника забыла, да и кому нужен Наташкин дневник в серой глянцевой обложке?

А вчера в редакцию пришёл участковый майор и долго задавал странные вопросы. На столе у главного редактора оказалась записка, в которой правильным Натальиным почерком было выведено «Прошу отпуск без содержания. Вернусь с сенсационным материалом. Не ищите. Н. Грекова».

– Ну и где эта ваша Грекова? – встал, с шумом отодвигая стул, майор.

Начальник беспомощно развёл руками.

– Ночью в пожарную охрану поступило заявление от соседей, жильцов по Садовой, ¹ 28. Из квартиры вашей сотрудницы доносились странные звуки и валили клубы дыма. Когда пожарные открыли дверь, то увидели такое... – участковый обвёл осуждающим взглядом собравшийся коллектив. – Всё вверх тормашками, музыка гремит, мебель сдвинута, на потолке грязные следы, а стена напротив кровати... Вы бы видели эту стену! Какие-то знаки... Иероглифы, что ли? А уж аромат от них! Так, простите, воняет, что соседи до сих пор возмущаются! – майор сердито смотрел на сотрудников редакции. Как будто именно главный редактор вместе со своими подчинёнными устроили погром в Наташкиной квартире.

– В общем, разыскивайте Н. Грекову где хотите! У меня хороший участок, нечего вашей журналистке мне показатели портить! Это надо ж такое в квартире устроить!..

Тогда-то Вероника и вспомнила про забытый дневник. Вернувшись домой, она первым делом нашла серую тетрадь. На титульном листе крупным Наташиным почерком был выведен заголовок:

«Тайная наука Марии Росс»

Вероника перевернула страницу и начала читать.

20.08.99

Моя встреча с Марией Росс произошла совершенно случайно.

В редакции журнала вдруг решили, что для поднятия рейтинга популярности им необходима статья об экстрасенсорных способностях человека. И меня, молодого журналиста, тут же откомандировали на встречу с «провидицей Ольгой». Я только начинала свою трудовую деятельность. И каждый репортаж представлялся мне верхом совершенства. К «провидице» я так и не попала – сеанс был перенесён на весьма неопределённое время.

Возможно, я совсем забыла бы о своём желании сделать сенсационный сюжет, если бы не поездка в Крым. Отправившись с Вероникой на отдых к её родственникам и опрометчиво

пообещав шефу привезти из отпуска что-нибудь необычное, я открыла для себя удивительные вещи. Люди, а главное, информация, полученная от них, перевернули мои представления о мире.

Но всё по порядку.

В Ялте я встретила однокурсницу Наденьку Сомову, работающую в местной газете. Мы весело щебетали, уплетали мороженое и вдыхали запах магнолий, сидя на скамейке в парке. Тут-то я и поведала Надежде о своём желании сделать материал об экстрасенсах.

– Нет проблем! – с энтузиазмом отозвалась она. – Завтра познакомлю тебя с Марией Росс. Женищина замечательная! Приходи утречком в редакцию, запишу адрес. Думаю, начальная подготовка по парапсихологии тебе не помешает.

В то время я имела слабое представление о так называемых чакрах, полях и ауре.

Квартира Росс находилась на окраине города. Это была ничем не примечательная квартира. Только внутреннее ощущение покоя и комфорта. Ощущение, которое охватывает тебя, когда ты после долгой дороги возвращаешься домой. Мне было удивительно хорошо в этой обычной городской квартире. Это уже потом я узнала, что, прислушиваясь к голосу интуиции, человек познаёт других людей и окружающее его пространство. Порой, когда сидишь в автобусе со случайным попутчиком, чувствуешь себя хорошо и спокойно, а бывает неприятно и что-то постоянно раздражает. Это дают о себе знать вибрации поля человека, вибрации его чувств и мыслей. Но тогда я была как чистый лист, не обременённый опытом в экстрасенсорной науке.

– Давайте знакомиться, – сказала симпатичная невысокая женщина.

Стройная фигура и миловидное лицо ничем не выдавали её возраст. И хотя по рассказам Надежды я знала, что ей за 50, весь её облик сиял молодостью. Большие зелёные глаза, улыбаясь, излучали удивительный свет. Казалось, что они всегда любили, любят и будут любить вас. И лёгкое напряжение, сковывающее при встрече с незнакомым человеком, тут же прошло.

Немного смущаясь, я представилась:

– Меня зовут Наташа, я журналист и очень надеюсь с Вашей помощью написать статью по биоэнергетике.

– Я не уверена, что смогу рассказать Вам больше, чем Вы можете узнать из книг, – улыбнулась Росс. – Как не существует двух одинаковых врачей, двух одинаковых художников и, по большому счёту, двух одинаковых людей на нашей планете, так же не существует двух одинаковых биоэнерготерапевтов. Каждый из нас, получив знание, пропускает его через себя. Истина одна, но путей её реализации множество. Вы, наверное, помните, у Христа было много учеников. Четверо из них написали Евангелие. И каждый, описывая один и тот же урок учителя, изложил его по-своему, вынес своё знание, сделал свой вывод. Это говорит о том, что в зависимости от степени восприимчивости души, её готовности она может вместить определённое количество знания. Вот посмотрите, Наташенька, – чашечка большая и чашечка маленькая, – Росс поставила передо мной две чашки. – Если я буду лить в маленькую чашечку такое же количество воды, как в большую, вода расплещется. Так и душа человека: одна может взять больше знания, другая – меньше. И та, что вместила меньше, ни в чём не виновата, просто она ещё маленькая.

– Но ведь учитель для того и существует, чтобы давать знание? – возразила я.

– Порой, дав знание, к которому человек ещё не готов, мы нанесём ему непоправимый вред, поэтому в древности у пифагорейцев, франкмасонов, розенкрейцеров существовали обряды посвящения. «Чашечка» должна стать больше, душа человека должна быть готова к принятию знания о духовных законах развития. Каждый человек несёт ответственность за совет, данный другому человеку, а уж за знание и подавно.

– Значит, давать советы рискованно? – удивилась я.

– Приведу пример. К вам зашла соседка и, ругая мужа, спрашивает у вас, что ей делать. Может, разойтись с ним, а может, устроить ему очередной скандал по поводу длительного времяпрепровождения в гараже с друзьями и пивом? Как Вы поступите? – спросила Росс.

– Я человек категоричный. Могу посоветовать бросить этого зануду или поискать развлечение на стороне, чтобы потом не обидно было, – честно призналась я.

– Тот, кто не знаком с работой духовных законов, поступит, как Вы. По крайней мере, так поступают многие. Вы не знаете, что результат действия, которое по Вашему совету совершит соседка, через определённое время отразится на Вашем здоровье или материальном благополучии. Понаблюдайте за собой в течение дня. Сколько раз Вы даёте рекомендации? И порой в форме, не терпящей возражения. Советы детям, родителям, сослуживцам, знакомым, да и просто случайным попутчикам или соседке по палате в больнице.

– Как же быть? Никогда не давать советов? – возмутилась я.

– Вы можете предложить человеку выбор, объяснив, что произойдёт в том или ином случае. Вы можете сказать: «Если ты промолчишь, будет вот так, а если устроишь скандал, будет так». Но выбирать он должен сам, так как это его жизнь, его судьба, его выбор. Каждый день мы стоим перед выбором.

Что нам надеть: брюки или юбку? На чём доехать на работу? Выбрать троллейбус – это недорого, но долго, и все толкаются. Выбрать такси – быстро, удобно, но дорого. И так далее. Выбор есть всегда и в любой ситуации. В зависимости от него меняется наша жизнь. Порой мы выбираем подсознательно, не думая, – всё зависит от программы, которая заложена в нас. Поэтому всегда нужно помнить, что за данный Вами совет Вы несёте персональную ответственность.

– Люди очень непредсказуемы в своём выборе. Мне кажется, чтобы понять человека, нужно научиться думать, как он, – заметила я.

– Вы, наверное, считаете, Наташенька, что человек – это только наше физическое тело. Но это не так. Человек – не только физическая «обезьянка», которой необходимо кушать как минимум три раза в сутки и спать по 6-8 часов. Попробуйте не покормить свою обезьянку или не давайте ей спать, ведь зарычит! – рассмеялась Росс. – Человек – это биокomпьютер, это совокупность тел и полей. Настраиваясь, он «считывает» информацию из окружающего его пространства. Одни могут настраиваться и считывать информацию лучше, другие – хуже. Обычно мы называем это предчувствием или интуицией. Иногда мы слышим от своих знакомых: «Я как чувствовала, что начальник меня подведёт». А ведь на самом деле наша знакомая просто «прочитала» информацию о нежелании её начальника поступить так, как они договаривались.

«Верно, – промелькнуло у меня, – человек часто не желает знать правду. Он видит маску другого человека, тот образ, который другой пытается ему навязать. И запросто включается в предложенную ему игру».

– Получая достаточное количество информации о другом, мы не анализируем её. Мы даже не знаем, что мы знаем!

– Стало быть, обмануть другого человека невозможно... – подвела итог я.

– Совершенно невозможно, Наташенька! Можно захотеть обмануться, сыграть роль уверовавшего. Обмануть может только тот человек, который сам верит в то, что говорит. Когда хороший актёр играет на сцене и изображает любовь или ненависть, он должен сам любить или ненавидеть. Иначе зал не поверит. Вибрации его поля расскажут правду. Хотите ещё пример?

– Конечно, – согласилась я.

– Вы заходите в кабинет к своему шефу, и если вы его боитесь, то на уровне поля он обязательно «прочитает» эту информацию. Он почувствует вибрацию страха, идущую от вас. В его теле возникнет ответная реакция. Какая? У одного – желание унижить, насытиться

импульсами трепета, исходящими из поля подчинённого. Они возбуждают его, дают прилив энергии. Такой начальник, словно вампир, будет вновь и вновь заставлять вас испытывать страх. У другого руководителя ваши вибрации вызовут чувство жалости, у третьего – превосходства. И каждый будет действовать соответственно. Точно так же и при сдаче экзамена: вы ещё не открыли рот, а ваша энергия всё «рассказала» экзаменатору. Поэтому психологи рекомендуют расслабиться, сосчитать до десяти, глубоко вдохнуть, то есть изменить свою частоту. Вибрируйте не в ритме страха, а в частоте добродушия и любви, и всё будет в порядке.

– Следовательно, можно научиться чувствовать вибрации? – спросила я.

– Конечно. Мы живём в океане вибраций, всё движется и всё вибрирует. Вот мы и подошли к одному из духовных законов – закону вибраций, но об этом мы поговорим завтра, – сказала моя новая знакомая, и на этом мы расстались.

Вибрация

21.08.99

День начался как обычно. Вероника отправилась загорать на пляж, а я к десяти утра была уже у своей необычной учительницы. Я застала её на открытой веранде за чашечкой утреннего чая. Отпив несколько глотков предложенного напитка и положив на стол старенький диктофон, я приступила к расспросам.

– Мне не терпится узнать, о каких законах Вы вчера говорили? – первым делом спросила я у Мариш Росс.

– Это законы, которым подчиняется всё в нашей проявленной Вселенной. Они работают, даже если мы о них не знаем. Возьмём закон тяготения. Если кто-то, не зная о нём, прыгнет с 10 этажа, то он разобьётся. Точно так же, нарушая один из духовных законов, человек получает удар. Люди всегда догадывались о существовании этих законов. Мы говорим «Не кличь беду» или «Не каркай» – это Закон Ментализма, мысленного программирования себя и других. Или «Отдавая, ты получаешь» – это Закон Дарения. Часто мы повторяем «Что посеешь, то и пожнёшь» – это о Законе Кармы, или, как его часто называют, причинно-следственном законе.

Но вернёмся к вибрации. Материя, энергия и дух – одно и то же, только в разных вибрационных состояниях. Это как лёд, вода и пар – везде молекула воды, а состояние разное. Свет, тепло, электричество – всё это разные формы вибрации. Иногда при общении с человеком мы не понимаем его, это значит, что нам необходимо подстроиться, как радиоприёмнику, на длину и частоту его ментальной волны.

А ещё существует вибрация толпы. Вы вдруг раскричались на собрании, хотя и не собирались выступать, или откликнулись на перебранку в автобусе. Уже потом, немного остыв, вы спрашиваете себя: «Чего это я так завелась?». А всё очень просто: вы поддались воздействию негативной вибрации, так называемому «синдрому толпы». Человек легко подстраивается под чужую волну, ошибочно принимая её за свою.

– Теперь понятно, как действует лидер большой группы, – проговорила я, – какой властью он обладает. Получается, он задаёт толпе вибрацию гнева или разрушения, и люди, как зомби, содрогаются в посланной им волне?

– Всё правильно, Наташенька. Но вибрация бывает и положительной. Священник в храме, как камертон, даёт определённый настрой своей пастве – вибрацию любви, всепрощения. И если все присутствующие прихожане воспримут эту частоту, подстроятся под неё, то мощный поток энергии любви омоет и очистит всех собравшихся в этом храме. Так происходят чудеса. Люди могут ощутить энергию города. Излучения людей проникают в окружающие вещи, стены домов, насыщая их положительной или отрицательной информацией. Вы можете надеть на себя куртку своей подруги и почувствуете себя плохо. Значит, ваши

вибрации не совпадают. Вещи, которые кто-то носил, насыщаются энергией этого человека. И не только вещи, но и драгоценности, камни, продукты, вода...

– Значит, воду заряжают вибрацией?

– То, что в народе называют сглазом, не что иное, как действие Закона Вибраций. Хотите пример?

– Конечно, – ответила я.

– Вы пьёте чай у своей подруги, но она по какой-то причине обижена на вас. Предположим, она ничего вам не говорит, она просто думает, наливая при этом чай: «Как ты могла так со мной поступить? Зачем всё рассказала Сережке? Тебе бы столько неприятностей, сколько имею я», и так далее.

Ваша подруга обижена, она злится, и своей негативной частотой заряжает воду, то есть чай. Вы выпили, и в лучшем случае провели несколько часов с мучительной болью в желудке. Но зарядить можно не только воду. Бабуля продаёт семечки, и в этот момент ругает кого-то, кричит, вы попробовали, и в результате ваш кишечник вышел из-под контроля. «Семечки пло-хие», – думаете вы. Нет, Наташенька! Вы опять «съели» отрицательную информацию.

– Я вспомнила, говорят, что нельзя есть в доме своего врага. Это потому, что можно «съесть» его проклятие?

– Проклятие не только накапливает, но и направляет разрушительные вибрации, – вздохнула Росс. – То же самое происходит и при благословении, но при этом включаются положительные силы.

– Я почему-то всегда считала, что вибрация существует только в мире звуков.

– И в мире звуков. Ведь инфразвуком можно убить человека, а ультразвук используется в лечебных целях. Слушая хорошую музыку, человек подстраивается под её вибрации. Гармонизируется. А вот окрик каратиста первоначально имел цель парализовать действие противника. Он требует определённого тона и частоты, иначе не будет иметь эффекта.

– Вот как? А я думала, что в карате главное – приёмы...

– Наташа, а Вы знаете, что существует вибрация удачи?

Я удивлённо посмотрела на Росс.

– Вспомните, мы говорим: «С кем поведёшься, от того и наберёшься». Когда рядом с вами находится удачливый человек, то интуитивно вы «читаете» информацию удачи с его поля, и если сможете удержать её в себе, то и вам повезёт.

Я скептически улыбнулась.

– Не верите? Одна моя знакомая, занимающаяся торговлей, рассказывала, что в те дни, когда у неё ничего не продаётся, она ищет более удачливую конкурентку и, подойдя к ней, стоит рядом несколько минут. Стараясь при этом даже улыбаться так, как она. А вернувшись на своё место, с удовлетворением замечает, что её торговля наладилась. И в этом нет ничего удивительного. Она интуитивно «снимала» частоту вибраций удачи.

– Я где-то читала, что определённый участок земли может нести целебную или разрушительную информацию.

– Каждое место, Наташенька, где человек сидел и думал, впитывает его мысли. Вы можете сесть на тот же стул, и мысль, вам не свойственная, возникнет у вас. Вещи удерживают информацию гораздо дольше, чем длится жизнь самого человека. Есть места, губительные для проживания людей. Они вобрали в себя вибрации человеческих убийств. Существует старая арабская легенда, согласно которой место заклания сына Авраамом – Мекка. Именно там был поставлен им первый камень, «центр Земного Мироздания», который впитал его молитву, голос его души. И паломники со всего света приходят туда, чтобы почувствовать душу Авраама.

Но я вижу, что утомила Вас своими рассказами. Давайте продолжим завтра, предположим, часиков в пять вечера, согласны?

Человек-матрёшка

22.08.99

День пролетел незаметно. Я была под впечатлением от нашего разговора. Полдня я просидела за компьютером в редакции у Надежды и всё прислушивалась к голосу своей интуиции. Я даже пыталась определить, о чём на самом деле думает дизайнер Леночка, когда, ярко накрашившись, идёт отпрашиваться к шефу. То, что она врёт, было очевидно не только для меня. Ни в какую школу к классному руководителю своего сына она не пойдёт, и её взъерошенный отпрыск ещё не один раз принесёт в своём дневнике отчаянную запись от учителя. Но, слушая жалобы на несносного мальчишку, все почему-то сочувственно кивали в ответ, а сотрудницы постарше вспоминали быстро пролетевшие школьные годы своих детей...

Я в предвкушении чудесной тайны ждала вечера.

– Может быть, с сегодняшнего дня займёмся практикой? – спросила Росс, садясь в кресло напротив меня.

Я согласилась и приготовилась слушать.

– Тогда я обязана объяснить Вам, Наташа, как проводит диагностику биоэнерготерапевт и как он работает. Для начала Вам нужно усвоить, что человек имеет несколько тел, предположим, семь.

– Семь? – удивилась я.

– Тела, как матрёшки, находятся одно в другом. Наше физическое тело – самая маленькая матрёшка. Точнее, это клеточная субстанция, оформленная и удерживаемая полем. Примерно на сантиметр от физического тела выступает поле-магнит, которое удерживает клетки. Назовём его этерик. Вот простое упражнение. Поднимите руки к потолку и, не напрягая зрение, посмотрите на свои пальцы.

Я подняла руки и запрокинула голову.

– Нет, Наташенька, Вы очень напряжены, – тут же поправила меня Росс. – Не пытайтесь ничего увидеть, смотрите на контуры пальцев. И ничего не выдумывайте. Просто смотрите!

– Я вижу какой-то дымок. Он повторяет очертания пальцев, – я старательно рассматривала свои руки. – Он плотный, дышит и плывёт. Да, правильно, плывет. Как интересно! Он серо-голубой и плотный, – закончила я и опустила руки на колени.

– Всё правильно, Наташа. Вы видели этерик – поле-магнит, которое чётко обрисовывает контуры нашего тела. После смерти человека этерик покидает физическое тело, и оно распадается на составные элементы. Вспомните железные опилки на бумаге, а внизу магнит. Он удерживает форму опилок. Но вот вы убрали магнитик – и опилки рассыпались. Следующее, после физического, тело, в которое плавно перетекает этерик, – эфирное, оно серо-голубого цвета и состоит из крошечных энергетических линий. Это матрица клеток физического тела. Болезнь к нам проникает с эфирного уровня. Если матрица клеток изменена в сторону болезни, то в физическом теле рождаются больные клетки. Биотерапевт обычно работает с матрицей, восстанавливая её и «стирая» с неё информацию о болезни. И лишь после этого он насыщает тело жизненной силой.

– А матрица существует только у людей? – спросила я.

– Не только. Американские учёные обнаружили, что растения сначала проецируют эфирную матрицу листа. Затем лист растёт и заполняет уже существующую форму.

– Можно ли увидеть эфирную матрицу? – задала я очередной вопрос.

– Давай попробуем. Смотреть желательно на белом или чёрном фоне при тусклом свете.

Росс щёлкнула выключателем. Мягкий полумрак заполнил комнату. Свет из коридора обрисовал дверной проем.

– Наташа, посмотрите на мою руку.

На фоне тёмного пространства комнаты фигура Росс казалась какой-то призрачной. Я вспомнила, что смотреть нужно расслабившись, и удобнее села в кресло.

Уже знакомое серое свечение этерика повторило контур её руки. За ним появилось пространство, окутанное голубоватой дымкой света. Но вот от плеча вниз по руке вспыхнула и пробежала яркая пульсирующая волна. За ней ещё одна. Искры голубовато-белого цвета постоянно перемещались. Пространство вокруг тела Росс как будто ожило, оно дышало и пребывало в непрерывном движении.

– Вижу, – тихо прошептала я, боясь спугнуть увиденное чудо. Но глаза тут же начали слезиться, и пространство исчезло. Вокруг был полумрак. Мне стало немного грустно. Я словно что-то потеряла.

– То, что ты видела, Наташа, могут видеть очень многие. И хотя глаз человека воспринимает только небольшой диапазон световых вибраций, точно так же наш слух имеет определенный предел чувствительности, но с помощью тренировки мы можем расширить свое восприятие.

А теперь давай перейдём к изучению следующего тела, эмоционального. Увидеть его гораздо труднее. Оно связано с чувствами человека и только приблизительно повторяет очертания нашего физического тела. Эмоциональное тело состоит из цветowych сгустков, движущихся в матрице общего поля человека.

– Мне уже не терпится его увидеть, – азартно проговорила я.

– Помнишь, каждое тело вибрирует с определённой частотой, и чем оно тоньше, тем выше частота его вибрации. Значит, для того, чтобы увидеть следующее тело, нужно настроиться на его частоту. Теперь представь, что ты радиоприёмник. Трансляция понравившейся тебе передачи идёт на определенной волне. И если ты хороший приёмник, то будешь чисто, без помех, воспринимать информацию от передающего устройства. То, что мы называем ясновидением, ясновосприятием, общением с учителем и просто неплохой интуицией, зависит от того, хороший ты «приёмник» или скверный.

– Хороший «приёмник» из меня вряд ли получится, думаю, для этого нужно по-особому питаться, – предположила я.

– Безусловно, питание человека играет большую роль в его сенсорном восприятии.

– Мясо кушать вредно? – усмехнулась я.

– Не всегда, смотря какую цель ты преследуешь. Мясо понижает вибрации, как бы утяжеляет их. Оно имеет мужскую полярность, дает ян-энергию. И человеку нерешительному, слабовольному, которому нужно дать силу, оно необходимо. Кстати, на днях у меня был интересный случай. На приеме – семейная пара. Муж – властный, упрямый, занимается торговлей. Жена – старшие его, цельная натура, но не терпящая возражений, привыкшая брать инициативу в свои руки. Их брак на грани разрыва. Постоянные конфликты, обиды, недопонимание. Пытаюсь объяснить им, что происходит на энергетическом уровне. Идёт явное нарушение одного из законов – Закона Полярности. Женщина не мягкая и податливая, а жесткая, мужеподобная. Циркуляция мужской энергии в организме превышает 50%. Энергетический пол женщины меняется на противоположный. В таком положении есть два выхода. Брак будет сохранён, если мужчина станет мягким, безвольным, послушным или жена станет более женственной, более слабой. Второе предпочтительней. Объясняю и даю рекомендации по питанию: мясо и острую пищу для женщины исключить полностью. Но мы, кажется, отвлеклись.

Росс включила свет и села в кресло.

– Ещё в древности люди знали о существовании тел ауры и пытались передать нам это в своих картинах. Вспомните нимб, изображаемый на иконах. Считается, что золотой ореол – сияние святых. Вообще свечение над головой может иметь разные цвета, но сам свет должен быть чистым, ярким. Основной цвет, базисный, может быть голубым – у интеллектуалов, светло-зелёным – у врачей, фиолетовым – у людей верующих и владеющих тайной наукой, даром пророчества, ярко-жёлтый – у личностей одарённых, розовый – у влюблённых и так далее.

– Значит, цвет всегда один и тот же?

– Цвет говорит о личности человека и о его эмоциях. Изменились эмоции – добавился новый цвет в ауре. Если человек любит, появляется розовое свечение, если сердится – появляются красные вспышки. Бывает так: приходит спокойная на вид женщина, садится передо мной, смотрю ауру – а там всё «кипит». Одна эмоция сменяет другую, цветные сгустки энергии выбрасываются в пространство, проплывая медленно, как клубы пара, или разлетаются яркими вспышками молнии.

– Как жалко, что мы не видим друг друга такими, – огорчилась я.

– Встречаясь с людьми, мы часто видим только их маску. Узнать, каков человек на самом деле, можно, посмотрев его ауру. Чисты ли его помыслы? Каков уровень интеллекта? Мешают или помогают ему эмоции? Люди очень красивы в цвете, все красивы, но аура избранных сияет удивительно ярко. Внутренняя жизнь этих людей насыщена и очень гармонична.

– А дети? Какой цвет у детей?

– Есть дети, личность которых сформирована уже в 5-6 лет. Они обладают свечением духовных учителей. В обычной жизни они отличаются от сверстников. Родители не всегда понимают их рассуждения и считают их большими фантазёрами. Но они владеют знаниями...

Росс умолкла. Я попыталась вернуть её к интересующей меня теме:

– А следующее тело ауры тоже из света?

– Третье тело – самое удивительное! Его называют ментальным. Представьте себе, Наташа, окружающий человека ярко-жёлтый свет, в котором можно увидеть мыслеформы в виде сгустков различной конфигурации.

– Мыслеформы?

– Да, это кристаллы наших мыслей, идей, представлений. Они обладают могущественной силой, изменяющей нашу жизнь. Как Вы думаете, Наташенька, в чём человек подобен Богу?

– Не знаю... Конечно, человек не похож на Бога внешне. В Библии есть фраза «сотворил по образу и подобию». Я думала над этими словами. Но объяснение найти так и не смогла.

– Это объяснение много веков до нашей эры оставил нам великий учитель Гермес Три-смегист. И эта тайна передавалась жрецами при обрядах посвящения. Но об этом мы поговорим при следующей встрече.

Дальше ни о чём существенном мы не говорили. Я выключила диктофон, и на этом мы расстались.

25.08.99

Уже два дня, как я не видела Росс. И всё из-за Вероники. Мою беспечную подругу угораздило подхватить какой-то вирус. И это летом! В тридцатиградусную жару! Я усердно лечу её горло и сопливый нос. К счастью, температура упала, и я могу поехать на очередной урок. Надеюсь, он того стоит!

2

Отложив дневник, Вероника погрузилась в размышления. То, что Наташка интересовалась паранормальными способностями людей, не было секретом ни для кого. События, описанные в дневнике, происходили три года назад, когда Вероника с подругой отдыхали у дяди

Серёжи в Крыму. Наташка обещала главному редактору, что привезёт из отпуска что-нибудь «сногшибательное». Вероника весь день валялась на пляже, тогда как Наталья с самого утра куда-то исчезала. Увлечение подруги потусторонним миром её не волновало, и думать об этом было лень. Солнце, море, возможность отоспаться занимали всё время Вероники. Но, кажется, на этот раз Наташка попала в какую-то жуткую историю.

Захлопнув тетрадь, Вероника неожиданно решила, что найдёт загадочную Марию Росс. Неспроста Наталья просила сохранить дневник.

Достать билет в Крым в августе оказалось довольно трудно. Вероника уже совсем отчаялась, когда позвонил Сева из отдела маркетинга и всё решил наилучшим образом. У неё была нижняя полка в купейном вагоне.

Утром, собирая вещи, Вероника наткнулась на ключи от квартиры подруги. Ключи лежали под зеркалом в прихожей. Покрутив колечко на пальце, она засунула их в карман спортивной куртки и выскочила из квартиры.

«Надо кое-что проверить. До отхода поезда ещё пять часов. Успею!»

Наташка жила недалеко. Выбрав самый короткий маршрут, оглябая ларьки и пробираясь через палисадники, Вероника шла той дорогой, по которой они когда-то ходили в школу.

Наталья жила с бабушкой. Бабушка умерла три года назад, оставив ей наследство: квартиру на улице Садовой и старенькую дачку в Рощино.

Они стали подругами в первом классе, когда Маргарита Семёновна разрешила им сесть за одну парту, Вероника считала, что знает о Наташке всё. Сколько вечеров они провели вместе, сидя за чашечкой чая в бабушкиной кухне и раскрывая друг другу маленькие секреты!

Наташка любила детективные истории, апельсиновый сок и морочить головы своим ухажёрам. Ненавидела молоко с пенкой, короткие юбки и утренний секс. С детства Вероника привыкла подчиняться ей и всегда слушалась подругу. В последний год у Натальи появилась какая-то тайна, они стали реже встречаться. И вот, получите результат. Что там сказал майор о Наташкиной квартире? Вся мебель перевёрнута, на потолке странные следы, стена напротив кровати исписана непонятными знаками. Какими ещё знаками? Магическими? Откуда в однокомнатной московской квартире молодой журналистки странные символы, испускающие едкий дым, насмерть перепугавший соседей?

Ключ легко повернулся, замок щелкнул и, бросив на пол отодранную бумажку с круглой фиолетовой печатью, Вероника оказалась в квартире подруги. Мебель действительно была сдвинута, как будто здесь что-то искали. Задёрнутые шторы, скомканная постель, вывернутое содержимое ящиков стола, посуда, почему-то очутившаяся на кровати, – всё это наводило на печальные мысли.

Где-то в тумбочке должен быть диктофон. Вероника наклонилась. Под ногой что-то хрустнуло. Чёрная книга с серебряной застёжкой лежала на полу. Застёжка была открыта, на неё-то и наступила Вероника.

Странно, что майор ничего не сказал о книге. Книга оказалась тяжёлой. Мягкий кожаный переплёт был немного влажным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.